

В суде — эпизод 2 из 2

Пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора всё это было пропитано канцелярским равнодушием и дышало холодом, точно убийца составлял простую канцелярскую принадлежность или судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка...

Успокоившийся мужик не понимал, что к житейским драмам и трагедиям здесь так же привыкли и присмотрелись, как в больнице к смертям, и что именно в этом-то машинном бесстрастии и кроется весь ужас и вся безвыходность его положения. Кажется, не сиди он смирно, а встань и начни умолять, взывать со слезами к милосердию, горько каяться, умри он с отчаяния и всё это разобьется о притупленные нервы и привычку, как волна о камень.

Когда секретарь кончил, председатель для чего-то погладил перед собою стол, долго щурил глаза на подсудимого и потом уж спросил, лениво двигая языком:

Подсудимый, признаете ли вы себя виновным в том, что в вечер 9 июня убили вашу жену?

Никак нет, ответил подсудимый, поднимаясь и придерживая на груди халат. Вслед за этим суд торопливо приступил к допросу свидетелей. Были допрошены две бабы, пять мужиков и урядник, производивший дознание. Все они, обрызганные грязью, утомленные пешим хождением и ожиданием в свидетельской комнате, унылые и пасмурные, показали одно и то же. Они показали, что Харламов жил со своею старухой хорошо, как все: бил ее только тогда, когда напивался. 9-го июня, когда село солнце, старуха была найдена в сенях с пробитым черепом; около нее в луже крови валялся топор. Когда хватились Николая, чтобы сообщить ему о несчастье, его не было ни в избе, ни на улице. Стали бегать по селу и искать, избегали все кабаки и избы, но его не нашли. Он исчез и дня через два сам явился в контору, бледный, оборванный, с дрожью во всем теле. Его связали и посадили в холодную.

Подсудимый, обратился председатель к Харламову, не можете ли вы объяснить суду, где вы находились в эти два дня после убийства?

По полю ходил... Не евши, не пивши...

Зачем же вы скрылись, если не вы убивали?

Испужался... Боялся, чтоб не засудили...

Ага... Хорошо, садитесь!

Последним был допрошен уездный врач, вскрывавший покойную старуху. Он сообщил суду всё, что помнил из своего протокола вскрытия и что успел

придумать, идя утром в суд. Председатель щурил глаза на его новую, лоснящуюся черную пару, на щегольской галстук, на двигавшиеся губы, слушал, и в его голове как-то сама собою шевелилась ленивая мысль: Теперь все ходят в коротких сюртуках, зачем же он сшил себе длинный? Почему именно длинный, а не короткий?

Сзади председателя послышался осторожный скрип сапог. Это товарищ прокурора подошел к столу, чтобы взять какую-то бумагу.

Михаил Владимирович, нагнулся прокурор к уху председателя, удивительно неряшливо этот Корейский вел следствие. Родной брат не допрошен, староста не допрошен, из описания избы ничего не поймешь...

Что делать... что делать! вздохнул председатель, откидываясь на спинку кресла. Развалина... песочные часы!

Кстати, продолжал шептать товарищ прокурора: обратите ваше внимание в публике, на передней лавке, третий справа... актерская физиономия... Это местный денежный туз. Имеет около пятисот тысяч наличного капитала. Да? По фигуре незаметно... Что, голубушка, не сделать ли нам перерыв?

Кончим следствие, тогда уж.

Как знаете... Ну-с? поднял председатель глаза на врача. Так вы находите, что смерть была моментальная?

Да, вследствие значительного повреждения мозгового вещества...

Когда врач кончил, председатель поглядел в пространство между прокурором и защитником и предложил:

Не имеете ли что спросить?

Товарищ, не отрывая глаз от Каина, отрицательно мотнул головой; защитник же неожиданно зашевелился и, откашлявшись, спросил:

Скажите, доктор, по размерам раны можно ли бывает судить о... о душевном состоянии преступника? То есть я хочу спросить, размер повреждения дает ли право думать, что подсудимый находился в состоянии аффекта?

Председатель поднял свои сонные, равнодушные глаза на защитника.

Прокурор оторвался от Каина и поглядел на председателя. Только поглядели, но ни улыбки, ни удивления, ни недоумения ничего не выражали их лица.

Пожалуй, замялся врач, если принимать в расчет силу, с какой... э-э-э... преступник наносит удар... Впрочем... извините, я не совсем понял ваш вопрос...

Защитник не получил ответа на свой вопрос, да и не чувствовал в нем надобности. Для него самого ясно было, что этот вопрос забрел в его голову и сорвался с языка только под влиянием тишины, скуки, жужжащей вентиляции.

Отпустив врача, суд занялся осмотром вещественных доказательств. Первым был осмотрен кафтан, на рукаве которого темнело бурое кровавое пятно. О

происхождении этого пятна спрошенный Харламов показал:

Дня за три до смерти старухи Пеньков своей лошади кровь бросал... Я там был, ну, известно, помогавши, и... и умазался...

Однако Пеньков показал сейчас, что он не помнит, чтобы вы присутствовали при кровопускании...

Не могу знать.

Садитесь!

Приступили к осмотру топора, которым была убита старуха.

Это не мой топор, заявил подсудимый.

Чей же?

Не могу знать... У меня не было топора...

Крестьянин одного дня не может обойтись без топора. И ваш сосед, Иван Тимофеич, с которым вы починяли сани, показал, что это именно ваш топор...

Не могу знать, а только я, как перед богом (Харламов протянул вперед себя руку и растопырил пальцы)... как перед истинным создателем. И время того не помню, чтобы у меня свой топор был. Был у меня такой же, словно как будто поменьше, да сын потерял, Прохор. Года за два перед тем, как ему на службу идтить, поехал за дровами, загулял с ребятами и потерял ...

Хорошо, садитесь!

Это систематическое недоверие и нежелание слушать, вероятно, раздражили и обидели Харламова. Он замигал глазами и на скулах его выступили красные пятна.

Как перед богом! продолжал он, вытягивая шею. Ежели не верите, то извольте сына Прохора спросить. Прощка, где топор? вдруг спросил он грубым голосом, резко повернувшись к конвойному. Где?

Это было тяжелое мгновение! Все как будто присели или стали ниже... Во всех головах, сколько их было в суде, молнией блеснула одна и та же страшная, невозможная мысль, мысль о могущей быть роковой случайности, и ни один человек не рискнул и не посмел взглянуть на лицо солдата. Всякий хотел не верить своей мысли и думал, что он ослышался.

Подсудимый, говорить со стражей не дозволяется... поспешил сказать председатель.

Никто не видел лица конвойного, и ужас пролетел по зале невидимкой, как бы в маске. Судебный пристав тихо поднялся с места и на цыпочках, балансируя рукой, вышел из зала. Через полминуты послышались глухие шаги и звуки, какие бывают при смене часовых.

Все подняли головы и, стараясь глядеть так, как будто бы ничего и не было, продолжали свое дело...